

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028324-2

Внутриязыковые страты в межъязыковом контакте (на материале русского языка диаспоры в Германии)

© 2023 г. В. В. Вардиц

Доктор филологических наук,
приват-доцент,
Кёльнский университет,
Германия, 50931, Кёльн, ул. Вайерталь, д. 137
vwarditz@uni-koeln.de

Резюме. В статье рассмотрена эволюция системы внутриязыковых страт русского языка в условиях неравноправного распределения контактирующих языков (*русский язык диаспоры vs немецкий язык официального общения*). Специфика данного случая состоит в том, что в контакт здесь вступают языки, изначально располагающие аналогичными социолингвистическими характеристиками, которые, однако, последовательно утрачиваются для (русского) языка без административного статуса, бытующего исключительно в личной сфере в качестве устного коммуникативного кода. Эта ситуация в свою очередь способствует лексическому, морфосинтаксическому и прагматическому трансферу из немецкого языка в русский язык диаспоры. Однако, как показывает анализ социолингвистических и лингвистических данных, межъязыковой контакт затрагивает также систему страт русского языка, при этом сужение его исходного набора страт и трансфер страт из немецкого языка, т.е. возникновение новой (смешанной) системы, объясняется изменением социолингвистических характеристик русского языка в контексте миграции. Индикатором новой полилингвальной вариативности, в том числе и стратификационной, является переключение межъязыкового кода на месте внутриязыкового, особенно характерное для второго поколения диаспоры.

Ключевые слова: языковой контакт, неравноправное многоязычие в условиях миграции, язык диаспоры, внутриязыковые страты, межпоколенческий языковой сдвиг, русский язык, немецкий язык.

Для цитирования: Вардиц В.В. Внутриязыковые страты в межъязыковом контакте (на материале русского языка диаспоры в Германии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 22–36. DOI: 10.31857/S160578800028324-2

Intralingual Varieties in Interlingual Contact (The Case of Migrant Russian in Germany)

© 2023 Vladislava Warditz

Dr. phil. habil.,
Associate Professor (Privatdozent),
University of Cologne,
137 Weyertal, Cologne 50931, Germany
vwarditz@uni-koeln.de

Abstract. The paper examines the evolution of the system of intralingual varieties of Russian in the context of migration-affected unbalanced multilingualism (*Russian as a heritage language vs German as a language of official communication*). In this specific case of multilingualism, two languages with similar sociolinguistic characteristics (status, polyfunctionality, codification) enter in contact, whereby Russian, as a language without administrative status and used only in the personal sphere, is *de facto* reduced to one (informal)

communicative code. This situation in turn contributes to the lexical, morphosyntactic and pragmatic transfer from German into Russian. However, as the analysis of sociolinguistic and linguistic data shows, interlingual contact also affects the system of Russian language varieties. The reduction of the original repertoire of intralingual varieties and the transfer of German interlingual varieties, i.e. the emergence of a new (mixed) system, is explained by the change in the sociolinguistic characteristics of the Russian language due to migration. An indicator of the emerging polylingual variation, including stratification, is the switching of the interlingual code instead of the intralingual code, a typical feature of the second generation in the diaspora.

Key words: languages in contact, migration-affected unbalanced multilingualism, migrant heritage languages, intralingual varieties, intergenerational language shift, Russian, German.

For citation: Warditz, Vladislava. *Vnutriazykovyye straty v mezyazykovom kontakte (na materiale russkogo yazyka diaspory v Germanii)* [Intralingual Varieties in Interlingual Contact (The Case of Migrant Russian in Germany)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 22–36. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028324-2

1. Языки vs страты в контакте

В статье на примере русского языка диаспоры¹ в Германии показано взаимодействие систем внутриязыковых страт в условиях неравноправного многоязычия, частным случаем которого является многоязычие в контексте миграции. Эти условия могут быть охарактеризованы как функционально и социально неравноправное распределение языков, бытующих в определенном языковом сообществе, в нашем случае – русского и немецкого. В то время как язык диаспоры (русский, L1) функционирует в неофициальном (семейном и дружеском) общении, в официальной сфере (администрация, политика, экономика, образование) используется государственный язык (немецкий, L2), в том числе и самими представителями диаспоры. Таким образом, в контексте эмиграции для русского языка возникает принципиально новая социолингвистическая ситуация, к основным характеристикам которой могут быть отнесены:

- (1) Утрата официального статуса государственного языка;
- (2) Смена (преимущественно) монолингвального окружения на би- или полилингвальное;
- (3) Функционирование в условиях неравноправного двуязычия, вследствие которого стандартный (кодифицированный) язык и его функциональные разновидности оказываются невостребованными;

¹ Понятие *язык диаспоры* обозначает язык эмигрантов и их потомков, т.е. используется как общий термин для обозначения базового языка сообщества с миграционным фоном в первом и последующих поколениях. Термин *унаследованный язык* обычно используется в отношении второго и последующих поколений мигрантов, реже – в противопоставлении языку собственно эмиграции, т.е. первого поколения [1].

- (4) Утрата коммуникативного престижа вследствие утраты статуса государственного языка и обретения негласного статуса языка маргинальной языковой и социальной группы;
- (5) Сужение сферы функционирования и изменение коммуникативного ранга, вследствие чего полифункциональность языка сменяется использованием его некодифицированных (как правило, устных) разновидностей.

Специфика нашего случая в общей типологии ситуаций неравноправного многоязычия состоит в том, что в ситуации контакта здесь находятся два языка (русский и немецкий), изначально располагающие аналогичными социолингвистическими характеристиками (административный статус, степень кодифицированности, полифункциональность), которые для русского языка в условиях эмиграции последовательно утрачиваются².

Очерченная социолингвистическая ситуация приводит, в свою очередь, к определенным лингвистическим последствиям, а именно к материальному и нематериальному трансферу из немецкого языка L2 в русский L1. Проявления языкового контакта на отдельно взятых уровнях языка описаны для языков диаспор достаточно подробно³, однако взаимодействие внутриязыковых страт контактирующих языков во внимание не принималось. L1 и L2 рассматривались как внутренне не стратифицированные языковые системы, и в качестве эталона при диагностировании статуса особенностей как разговорной речи, так и потенциально возможной официальной

² Указанная специфика может относиться и к языкам других диаспор, пребывающим в ситуации неравноправного контакта с языком, располагающего теми же социолингвистическими характеристиками, что и базовый эквивалент языка диаспоры.

³ См., например, [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [1]; [10].

русской коммуникации диаспоры [11] выступал стандартный язык метрополии. Репертуар страт языка диаспоры, проецирующий и освоение официального и неофициального языка билингвами, и ситуативно обусловленный выбор ими регистра-языка в условиях функционального двуязычия [12], оставался вне поля зрения лингвистики.

Исходя из представленной социолингвистической ситуации, можно предположить, что межъязыковой трансфер затрагивает не только уровни языка, но и систему страт, эволюция которой в условиях многоязычия может протекать как минимум по двум гипотетическим сценариям:

- (1) Трансфер исконной системы страт языка метрополии и её консервация (в условиях относительной изоляции языка диаспоры);
- (2) Сужение набора страт исконного языка и трансфер страт из L2 в L1, т.е. возникновение новой (смешанной) системы страт.

В качестве нулевой гипотезы следует принять первый из предложенных сценариев.

Любой из двух потенциально возможных сценариев связан, в свою очередь, с вопросом об отношении системы страт языка диаспоры к языку метрополии: является ли первая (модифицированной) проекцией второй или же — будучи сжатой до одного функционально ограниченного коммуникативного кода — только одним из вариантов языка метрополии? Таким образом, взаимодействие систем страт контактирующих языков в контексте миграции значимо для решения вопроса о лингвистическом статусе языка диаспоры, а также для описания языков других диаспор, обладающих аналогичными социолингвистическими характеристиками, и для типологии ситуаций неравноправного многоязычия.

Взаимодействие страт русского и немецкого языков в условиях неравноправного многоязычия рассматривается в статье на материале социолингвистических и лингвистических данных.

2. История, демография и витальность языка диаспоры

Русские диаспоры начинают активно формироваться на рубеже XIX и XX веков как следствие конфессиональной (старообрядцы, духоборы, молokane) и политической эмиграции из Российской империи [13]⁴. После Октябрьской революции русская диаспора складывается и в Германии, однако

⁴ Формирование русских диаспор и массовую иммиграцию русофонных носителей следует рассматривать как частное явление в рамках массовой иммиграции рубежа веков [12, с. 40].

её лингвистическая судьба практически не прослежена⁵, в отличие, в частности, от Франции⁶. Вторая, послевоенная волна эмиграции из СССР (перемещённые лица, бывшие узники концлагерей, коллаборационисты, этнические немцы, политические эмигранты)⁷ осталась в лингвистических работах практически не замеченной⁸. Третья волна (1970-е годы) заявила о себе на культурном, политическом и академическом поприще, оказав заметное влияние и на геополитическую ситуацию в предперестроечном СССР.

После 1991 года русскоязычная диаспора значительно увеличивается за счет четвёртой волны эмиграции: так называемых еврейских беженцев, этнических немцев-репатриантов, образовательной, рабочей и семейной эмиграции, т.е. эмиграции, организованной принимающей страной, и эмиграции индивидуальной. В отличие от первой и второй волн, имевших стихийный беженский или невозвращенческий характер, третья и четвёртая волны явились результатом организованной и поддержанной принимающей стороной иммиграции. Волны эмиграции практически не смешивались между собой, в связи с чем они не обнаруживают языковой преемственности: так, потомки первой волны нередко сохраняют реликтовые особенности дореволюционной речи [15]; [3], например, *ходить на службу* вместо узального в (пост)советском русском языке *ходить на работу*, *получать жалованье* вместо *получать зарплату*. В свою очередь, потомки третьей волны используют в речи разнообразные советизмы, практически вышедшие из обихода постперестроечных поколений в метрополии, например, *информант* для обозначения доносчика или *сексот* для обозначения сотрудника КГБ⁹.

В статье рассматривается язык четвёртой волны эмиграции, т.е. русофонов, покинувших СССР после 1991 года, и их потомков, проживающих в ФРГ, — одной из трёх стран, принявшей,

⁵ Ср. ряд речевых портретов в [14] и [3].

⁶ См., в частности, [8] о судьбе языка четырёх поколений русской эмиграции во Франции.

⁷ Периодизация волн эмиграции последовательно из Российской империи, Советской России, СССР и России обоснована в [13].

⁸ Немногочисленные языковые данные второй волны эмиграции проанализированы в [4].

⁹ Лингвистическая археология русского языка зарубежья заслуживает отдельного исследования в рамках истории русского языка XX века, в частности, с точки зрения консервации определённых орфоэпических, лексических и морфосинтаксических особенностей в условиях относительной изоляции и определённых языковых установок.

наряду с США и Израилем, максимальное число выходцев из бывшего СССР [16].

Оценки общего числа русскоговорящих в ФРГ заметно колеблются, поскольку официальная статистика страны [17] не учитывает владение исконным (унаследованным) языком у лиц с миграционным фоном и их потомков. Яннис Панагиотидис в своём социологическом исследовании оценивает общее количество русофонов в ФРГ в два с половиной миллиона, включая в это число только носителей русского языка как родного, т.е. первое поколение эмигрантов, и исключая последующие [18]. Кроме того, в своих подсчётах он, как и официальная статистика, не принимает во внимание тот факт, что русский язык нередко является родным (первым) языком и для выходцев из Прибалтики, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси или с Украины. Таким образом, общее число русофонов в ФРГ во всех поколениях может существенно превышать названные им цифры.

На витальность русского языка в ФРГ указывают не только высокие демографические показатели и компактное проживание эмигрантов в определенных районах городов (так, в Берлине для первой волны это был Шарлоттенбург, прозванный Шарлоттенградом, а для четвертой – Марцан)¹⁰. О витальности языка косвенно свидетельствует и наличие развитой русскоязычной инфраструктуры (магазинов, парикмахерских, туристических агентств, автосалонов), культурных сообществ, русскоязычных изданий, интернет-форумов и социальных сетей в интернете. Социолингвистическое исследование Йорга Ахтерберга [20] подтверждает наибольшую витальность русского языка по сравнению с языками других славянских диаспор в ФРГ, а также наибольшую антиассимилятивность русской диаспоры; Людмила Исурин, сравнивая показатели витальности русского языка диаспор в трёх странах – ФРГ, Израиле и США, – отводит Германии второе после Израиля место [16].

3. Правовой и лингвистический статус языка диаспоры

Однако, несмотря на высокие демографические показатели и витальность, русский язык диаспоры, как и языки других диаспор, не имеет в ФРГ правового статуса. Статус языков меньшинств, обеспечивающий правовой поддержкой и государственными субсидиями, присвоен в ФРГ датскому, фризскому, нижненемецкому, цыганскому

(романи) и верхне- и нижнелужицкому языкам, т.е. языкам этнических меньшинств, исконно проживающих на её современной территории, и региональному варианту немецкого языка (нижненемецкий). Таким образом, понятие *язык диаспоры* не тождественно правовому термину *язык (этнического или регионального) меньшинства*¹¹, которое указывает на законодательно закреплённый административный статус.

В ситуации отсутствия правового статуса вопрос о лингвистическом статусе языка русской диаспоры в ФРГ остаётся открытым. Очевидно, здесь играет роль ряд экстралингвистических обстоятельств, связанных с его изучением. Язык русского зарубежья, отмеченный влиянием доминирующих языков окружения, впервые был зафиксирован в работах послереволюционных эмигрантов-лингвистов [22]¹². Заметного резонанса эти работы не получили, и язык эмиграции долгое время оставался вне поля зрения как советской, так и зарубежной лингвистики. Активное изучение языка диаспор, в том числе и русской, началось только в середине 1990-х годов прежде всего в рамках парадигмы *унаследованных языков в США (migrant heritage languages, [23])*, ср. также исследования российских авторов, посвящённые лингвистической экологии русских профессиональных [24]; [25] и политических диаспор [26]; [15]; [3].

Включение языков диаспор в лингвистическую парадигму повлекло за собой вопрос об их лингвистическом статусе, сопряжённый с рядом трудностей. Во-первых, лингвистический статус языка напрямую проистекает из его административно-политического статуса, который регламентирует и степень его кодификации, и сферы и функции его бытования, определяющие, в свою очередь, степень его функциональной специализации, а также закрепляет его территориальный и социальный статус (престижность) [27, с. 378]. Во-вторых, описание русского языка вне привычной сферы бытования и определение его стратификационного статуса затрудняются представлением об обязательности литературной нормы и для внелитературных страт, а также неприятием самой возможности существования *региональных норм* [28, с. 95]; [29, с. 38]. Подобные представления также препятствуют признанию того факта, что социально-стилистические параметры

¹¹ Ср. в этой связи определение языка диаспоры как языка меньшинства в [21, с. 1].

¹² Очевидно, названную работу Сергея Карцевского следует признать первой в истории изучения языка русской эмиграции.

¹⁰ Ср. компактное проживание сообществ мигрантов как один из ведущих факторов, способствующих витальности языков диаспор и сохранению исконной идентичности в [19, с. 236].

языкового варьирования в диаспоре и в метрополии, т.е. стратификация русского языка, могут существенно различаться¹³.

В итоге, несмотря на то, что именно стандартный язык метрополии рассматривается как *эталон для диагностирования* особенностей языка диаспоры, лингвистический статус языка русских диаспор по отношению к языку метрополии и системе его стратов либо не определяется [3]; [33], либо определяется и как вариант русского языка [2, с. 205], и как особая форма его существования (наряду с диалектами и литературно-письменным языком) [34, с. 5], и как особая сфера литературного языка [35, с. 447], и как пиджин [36, с. 78]. Приведённые определения фиксируют место языка диаспоры по отношению к языку метрополии, не уточняя при этом его внутриязыковую стратификацию, т.е. рассматривают его как некий гомогенный в плане стратификации регистр, который может быть подключён как одна из *подсистем* к общей системе этноязыка.

Именно таким образом поступила польская социолингвистика, включив язык зарубежья в социолингвистическую модель польского языка наряду с его региональными вариантами в Беларуси, на Украине, в Литве и Латвии [37]; [38]. Такое решение вызвано и историческими, и геополитическими мотивами: по разным оценкам, от четверти до трети всех говорящих на польском языке проживает за пределами современной Польши [39]; [40]. Польский язык вне Польши получил, таким образом, статус нестратифицированного регионального варианта наряду с историческими пограничными диалектами [41].

Признание русского языка диаспоры особым вариантом русского этноязыка, как, например, признание испанского языка в странах Южной и Латинской Америки особыми вариантами испанского, повлекло бы за собой и признание *особой нормы* русского языка за рубежом, что в свою очередь соответствовало бы идее о наличии особой нормы в билингвальных сообществах, ср. обоснования выделения полилингвальной нормы в [42]; [43].

Описанное положение дел проецируется и на исследования языка диаспоры, которые рассматривают язык эмиграции, с одной стороны, преимущественно как гетерогенное множество индивидуальных *речевых* практик, специфика которых выявляется в сопоставлении с *кодифицированным*

¹³ О необходимости различения нормы монолингвального и билингвального сообщества см. работы [30, с. 3]; [31, с. 156]; [32, с. 38].

языком метрополии, а с другой стороны, как заведомо гомогенное явление, т.е. без учёта его социальной и функциональной дифференциации, внутриязыковой полиглосности говорящих, а также без учёта контакта страт.

4. Контакт страт: социолингвистика и лингвистика

4.1. Корпус исследования

В статье использованы данные корпуса, созданного в рамках немецко-израильского исследовательского проекта “Multilingual families’ response to COVID-19: New Opportunities and Challenges”¹⁴. В основу корпуса легли полуструктурированные интервью продолжительностью от сорока до шестидесяти минут с представителями первого и второго поколений русскоязычной диаспоры в Германии (N=80, n=40 для каждого поколения)¹⁵.

Первое поколение – это собственно поколение эмигрантов с родным (L1) языком русским, которые родились и закончили среднюю школу в России. На момент интервью возраст этой группы респондентов составлял от 37 до 50 лет (средний возраст – 44,5 года).

Второе поколение составили те, кто родился в Германии в семье эмигрантов или был привезён в Германию в возрасте до пяти лет. Эта группа опрошенных освоила русский язык, который соответственно является для них *унаследованным языком*, в семье и получила среднее образование в Германии на немецком языке. Возраст этой группы респондентов составлял на момент интервью от 20 до 28 лет (средний возраст – 24 года).

Интервью представляют собой нарративы, посвящённые языковой биографии опрошенных и их семей, а также их языковой и культурной интеграции в Германии, прежде всего, освоению официальных (институциональных) сфер жизни в новой стране проживания (социализация в детском саду и школе, система обучения и образования, профессиональная деятельность, административно-бюрократические аспекты организации жизни семьи). Выбор тематического фокуса стимулированных нарративов связан с идеей перестройки внутриязыковых страт языка

¹⁴ Проект был поддержан научным фондом *German-Israeli Foundation for Scientific Research and Development (GIF)* и осуществлён на базе Потсдамского университета совместно с Университетом Бар-Илан с января по декабрь 2022 года, номер гранта 1520.

¹⁵ Интервью представлены в статье в виде орфографических транскриптов с сохранением особенностей речи респондентов.

диаспоры в условиях функционального двуязычия, индикатором которой является, в частности, переключение межъязыкового кода вместо переключения внутриязыкового функционального регистра [12, с. 47]. При этом если в рамках официальной коммуникации подобное переключение с русского на немецкий язык обусловлено *ситуативно* (коммуникация в официальной сфере осуществляется на государственном языке), то в рамках (стимулированного) нарратива на русском языке – *тематически*, сигнализируя о модификации системы внутриязыковых страт языка диаспоры¹⁶.

Подобное переключение кода рассматривается нами как одна из языковых практик *транслингвизма* [47], который мы понимаем как использование полилингвальным говорящим ресурсов всех находящихся в его распоряжении языков как элементов одной системы [1]; [48]. Билингв или полилингв оперирует при этом элементами и регистрами нескольких языковых систем в зависимости от коммуникативной ситуации; полилингвальная вариативность замещает таким образом вариативность монолингвальную, при которой говорящий оперирует элементами и регистрами одной языковой системы [49].

Рассматривая переключение внутри- и межъязыковых регистров в речевой практике билингва в условиях неравноправного многоязычия как индикатор изменения системы страт [12], обратимся к аргументации Л.П. Крысина в пользу того, что “существует принципиальное сходство владения, с одной стороны, разными языками и, с другой, разными подсистемами одного языка. Как в первом, так и во втором случае мы можем наблюдать: (а) вкрапления иносистемных элементов в речь (кодую интерференцию); (б) заимствование иносистемных элементов; (в) переключение с одной коммуникативной системы на другую в ходе общения [...]. Каждое из этих трех проявлений взаимодействия языков или языковых подсистем предполагает определённый уровень владения вторым средством общения: от некоторого знакомства с ним (на этом уровне возможны вкрапления, в меньшей степени – заимствования и невозможно кодовое переключение) до более или менее свободного владения им, когда наблюдаются все три процесса” [50, с. 4].

В нашем случае рассмотрено более сложное взаимодействие *подсистем разных языков* в речевом

¹⁶ Тематически мотивированному переключению кода посвящена обширная литература, см., например, [44]; [45]; [46], однако с точки зрения стратификационного сдвига исходной языковой системы в условиях функционального двуязычия это явление не рассматривалось.

поведении билингва. В ситуации контакта здесь оказываются не два функционально-прагматически эквивалентных регистра (например, диалект А и диалект В) и не два функционально-прагматически *неэквивалентных* регистра (например, стандартный язык А и диалект В), а два полифункциональных языка с эквивалентной системой страт. Однако в силу неравноправного распределения обоих языков в условиях миграционного трансфера одного из них в сферу гегемонии другого представляется обоснованным говорить о более нюансированном динамическом контакте определённых страт этих языков.

4.2. Результаты контакта страт

Как было показано выше, ввиду отсутствия административного статуса в Германии, а также конституционно закреплённой гегемонии немецкого языка, русский язык диаспоры бытует преимущественно в устной форме в сферах неофициального общения; в качестве официального языка представители диаспоры используют язык новой страны пребывания, т.е. немецкий. В результате функционально неравноправного двуязычия доминантный немецкий язык – второй язык (L2) для первого поколения диаспоры – становится первым языком (L1) для второго (и последующих) поколений, будучи для них изначально единственно возможным языком социализации и образования, а русский язык – первый (L1) язык для первого поколения диаспоры – становится для второго поколения унаследованным (*heritage language*, HL) или даже вторым языком (L2)¹⁷, ср. *схему 1*.

Схема 1. Межпоколенческие изменения статуса языков в контакте

Статус языка в стране пребывания	1-е поколение эмигрантов	2-е поколение эмигрантов
Доминантный язык окружения / Язык официального общения (<i>societal language</i>)	Немецкий (L2)	Немецкий (L1)
(Язык диаспоры) / Язык неофициального общения (<i>migrant heritage language</i>)	Русский (L1)	Русский (HL / L2)

¹⁷ Как справедливо указывают авторы работы [51, с. 130], “heritage speaker is an early bilingual who grew up hearing and speaking the heritage language (L1) and the majority language (L2) either simultaneously or sequentially in early childhood, but whose L2 became their primary language at some point during childhood (typically after the onset of schooling)”. Первый язык, освоенный билингвом в кругу семьи в качестве унаследованного языка, в процессе социализации нередко становится для него вторым языком.

Примечания к схеме 1.

- 1) Понятие *язык диаспоры* заключено в скобки, поскольку обозначенное явление не имеет ни официального, закреплённого в конституции, ни лингвистического статуса.
- 2) Язык диаспоры является только одним из возможных языков неофициального общения, к которым относится немецкий, а также потенциально и ряд других языков.
- 3) Введённая градация (HL / L2) указывает на широкий спектр варьирования в уровне владения унаследованным языком. Теоретически здесь возможно и владение на уровне L1, в частности, у тех, кто получил высшее образование в России. Однако в проанализированном корпусе подобные случаи зафиксированы не были.

Таким образом, новая социолингвистическая ситуация приводит к межпоколенческому изменению статуса функционально дистрибуированных языков, который, начиная со второго поколения диаспоры, совпадает с их социально-функциональным распределением в новой стране пребывания.

Несбалансированное функциональное распределение языков приводит, в свою очередь, к перестройке исконного репертуара страт в языке диаспоры. Начиная опять же со второго поколения, стандартный русский язык замещается в исходной системе страт унаследованного языка стандартным немецким, а (подверженный интерференции) унаследованный русский бытует в качестве (второго) обиходного языка наряду с (освоенным на уровне L1) немецким, см. *схему 2*. С точки зрения внутренней (социально-функциональной) стратификации языка русский язык диаспоры превращается в особый коммуникативный код в новой многоязычной системе страт, где место стандартного языка (языка социализации, образования и официальной коммуникации, освоенного и в устной, и в письменной форме) занимает немецкий, а место разговорного языка (или одного из разговорных языков представителя диаспоры) – русский, освоенный, как правило, исключительно в устной форме¹⁸.

Схема 2. Межпоколенческая перестройка системы страт в языке диаспоры

Функциональный регистр	1-е поколение эмигрантов	2-е поколение эмигрантов
Стандартный язык	Немецкий +/- (Русский +)	Немецкий + (Русский -)
Обиходно-бытовой язык	Немецкий +/- Русский +	Немецкий + Русский +/-

¹⁸ Об угасании письменной формы в языке диаспоры см., например, [33].

Примечания к схеме 2 и условные обозначения.

- 1) Термин *стандартный русский язык* заключен в скобки, поскольку в прототипической модели коммуникации диаспоры, в которой немецкий язык обслуживает официальную, а русский – неофициальную сферу, стандартный полифункциональный русский язык не используется.
- 2) Знаки +, - и +/- обозначают степень владения языком или языковым регистром.
- 3) Схема представляет несколько упрощённую типизацию конкретного использования языков билингвами. Очевидно, что в действительности степень владения стандартным русским языком варьируется и у первого поколения. Однако, поскольку мы относим к нему эмигрантов, которые получили среднее образование в России, есть основания полагать, что базовое владение стандартным языком является одной из социолингвистических характеристик этой группы. Это замечание относится также к уровню владения стандартным немецким языком для второго поколения диаспоры.

Таким образом, перенесённый в новые социолингвистические условия, русский язык эмиграции как изначально полифункциональный язык сокращает и модифицирует свою систему страт в ситуации неравноправного контакта с другим полифункциональным языком, см. *схему 3*.

Схема 3. Модифицированная система страт в унаследованном языке диаспоры

Стандартный язык	Немецкий
Обиходно-бытовой язык	Немецкий / русский

Модификация системы страт обуславливает и направления межъязыкового трансфера в условиях многоязычия, который также оказывается специфическим для первого и второго поколений. Так, для первого поколения отмечен трансфер как из русского языка в немецкий, т.е. из L1 в L2, так и из немецкого языка в русский, т.е. из L2 в L1. Для второго (и последующих) поколения обычно наблюдается однонаправленный трансфер, из немецкого языка в русский, т.е. из первого языка L1 в унаследованный или второй (HL или L2)¹⁹, см. *схему 4*.

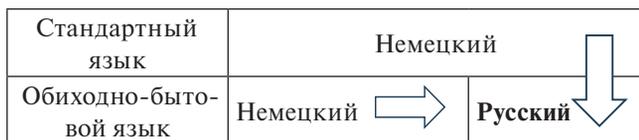
Схема 4. Межъязыковой трансфер в языке диаспоры в межпоколенческом сравнении

1-е поколение эмигрантов	2-е поколение эмигрантов
Немецкий (L2)	Немецкий (L1)
Русский (L1)	Русский (HL / L2)

¹⁹ Различия в направлении межъязыкового трансфера в области морфологии у двух поколений диаспоры показаны, в частности, в [1].

Применительно к модифицированной системе страт языка диаспоры, отмеченного полилингвальной вариативностью, которую следует признать его дистинктивной лингвистической характеристикой, нужно подчеркнуть, что русский язык, занимающий в стратификационной модели унаследованного языка диаспоры место одного из обиходно-бытовых языков или регистров (см. схему 3), подвержен межъязыковому трансферу как со стороны стандартного немецкого языка, так и со стороны обиходно-бытового немецкого, испытывая, таким образом, двойное иноязычное влияние, см. схему 5.

Схема 5. Межъязыковой трансфер в стратификационной модели унаследованного языка диаспоры

В результате русский язык диаспоры превращается в особый коммуникативный код, который используется как один из регистров в многоязычной системе страт. При этом для него характерна интерференция как минимум двух типов. Помимо внешней интерференции из доминирующего языка (лексика, морфология, синтаксис, семантика, прагматика, см. примеры в таблице 1), этот код отмечен и интерференцией внутренней, т.е. смешением (или неразличением) социально и функционально обусловленных регистров исходной системы страт, см. примеры в таблице 2.

Таблица 1. Межъязыковая интерференция в языке диаспоры (примеры)

Уровень языка	Примеры употребления	Перевод и комментарий
Лексика	кранкенфер- зихерунг	нем. <i>Krankenversicherung</i> 'медицинское страхование'
	арбайтсамт	нем. <i>Arbeitsamt</i> 'биржа труда'
	банхоф	нем. <i>Bahnhof</i> 'железнодорожный вокзал'

Морфология	Я <i>кундиговала</i> договор... Мама дай мне пожалуйста <i>габельку</i>... У меня нет какого-то <i>фербиндунга</i> эмоционального к языку...	морфологическая адаптация нем. <i>kündigen</i> 'расторгнуть договор' диминутив от нем. <i>Gabel</i> 'вилка' морфологическая адаптация нем. <i>Verbindung</i> 'связь'
Синтаксис	вот эти курсы были ... <i>в первом году</i> обучения Но читать мне всегда немножко тяжелее было <i>как</i> на немецком И потом когда я потом <i>стала</i> ... <i>семь лет</i>	трансфер нем. именной сочетаемости <i>im ersten Jahr</i> трансфер нем. синтаксического коннектора <i>als</i> здесь в зн. 'чем' трансфер нем. коллокации <i>стать X лет</i> в зн. (дат.п. субъекта) 'исполнилось X лет'
Семантика	А младшая она сейчас <i>делает</i> тоже <i>магистратуру</i> ... <i>получили</i> весенний <i>загар</i> <i>инвестировать</i> время в русский не могу	экспансия нем. глагола <i>machen</i> 'делать' с более широким спектром сочетаемости, чем в русском экспансия нем. глагола <i>bekommen</i> 'получать' с более широким спектром сочетаемости, чем в русском расширение семантики глагола под влиянием семантики нем. эквивалента <i>investieren</i>

Прагматика	Извини <i>пожалуйста</i> ты можешь <i>пожалуйста</i> мне помочь	трансфер нем. формул вежливости, их конвенциональности и частотности

Помимо межъязыковой интерференции, для которой характерен трансфер из немецкого языка в русский, русский коммуникативный код диаспоры отмечен и внутриязыковой интерференцией – из некодифицированных страт, используемых в семейном обиходе, в нормативные, например, использованием сниженных элементов в академическом общении, см. примеры в *таблице 2*.

Таблица 2. Внутриязыковая интерференция (примеры из [52])

Пример	Комментарий
Чичикова в городе не <i>за-любили</i> (выступление на семинаре)	Возможно, диалектное или региональное влияние, сохранившееся в языке семьи
В библиотеке нет <i>словарёв</i> (выступление на семинаре)	Явление аналогического выравнивания словоизменительной парадигмы, свойственное просторечию
<i>Ихние</i> дети всегда шумят (выступление на семинаре, рассказ о записи интервью)	Явление аналогического выравнивания местоименной парадигмы по парадигме притяжательных прилагательных

Отмеченные явления межъязыкового трансфера представляют собой результаты языкового контакта; явления внутриязыкового трансфера – результаты относительной изоляции языка диаспоры и традирования устной семейной нормы как нормы русского языка.

В ситуации вынужденного двуязычия описанный интерферируемый код становится главным коммуникативным кодом в русском общении диаспоры, соединяя в себе не только отдельные элементы, но и регистры контактирующих языков, а также смешивая внутриязыковые элементы различных подсистем и сами подсистемы (регистры) базового языка. Подобная перестройка системы речевых кодов в унаследованном языке особенно характерна для второго

и последующих поколений; о ней сигнализируют примеры тематически мотивированного переключения межъязыкового кода. Сравним выдержки из интервью с представителями первого (1) и второго (2 и 3) поколений:

(1) Потом я пошла **делать абитур** [нем. *Abitur machen* ‘сдавать выпускные экзамены в гимназии’] в вечерней гимназии / **Abendgymnasium** [нем. *вечерняя гимназия*] / в Кёльне // Там был специальный курс для тех девушек / у кого есть дети // То есть это специально было **от Stadt-а Кёльна** [от города Кёльна] // Я **закончила Abitur** [контаминация русс. *закончить школу* и нем. *Abitur absolvieren* ‘сдать выпускные экзамены в гимназии’] // ... Потом поступила в университет / начала учиться // Первая у меня была профессия это **Romanstudien** [искаженное от *Romanistik* ‘романистика’] и **Sozialwissenschaft** [социология] // Но / в принципе / на данный момент я поменяла студию [окациональное образование ед.ч. от нем. *Studien*, зд. в зн. ‘направление в университетском обучении’] / своё направление / и сейчас я **штудирую** [нем. *studieren* в зн. ‘изучать’, ср. также имеющее другое значение русское *штудировать*] славистику и историю искусств на данный момент...

(2) У меня вообще все друзья / они работают... И они все очень хорошо по-немецки говорят / потому что они работать должны на немецком языке / и там мы обязаны очень хорошо говорить // Мы очень пишем **много Texte / Papiere und so weiter // Wir müssen gute Sprachkenntnisse haben / vor allem schriftlich** [русс. ‘пишем много текстов, отчётов и так далее... У нас должны быть хорошие знания языка, прежде всего письменного’] // И мы тоже часто... Вот я часто тоже ещё меня приглашают на... На такие **митинги** [нем. англицизм *meeting* ‘собрание, рабочая встреча’] / и я объясняю и рассказываю / и **презентирую** [präsentieren ‘представлять, показывать’] что-либо

(3) Что она считает / что там **dieser pädagogische Ansatz** [‘этот педагогический подход’] / [...] Она сказала / **ich zitiere: wir fragen uns / ob das richtig war / so viele Opfer zu bringen / nur damit sie die Sprache lernen // Ja // Da herrscht ein strenger Geist / so ein bisschen der Geist der Sowjetunion // Kann man so sagen // Ich hab sogar gelernt / es gibt ein Wort für diesen Geist der Sowjetunion – “совок”** [‘я цитирую: мы задаёмся вопросом, правильно ли это: принести столько жертв только для того, чтобы вы выучили язык. Да. Там царит такой строгий дух, немного (как бы) дух Советского Союза, можно так сказать. Я даже выучила, есть такое слово для (обозначения) этого духа Советского Союза’]

Представители и первого, и второго поколений переключают языковой код в рассказе об учёбе, работе или обучении детей языкам в детском саду, т.е. о тех сферах жизни в Германии, в которых в качестве средства коммуникации используется исключительно немецкий язык. При этом если представитель первого поколения тяготеет к смешению кода и образованию гибридных элементов и контаминаций, то представители второго поколения склонны к полному переходу на немецкий язык, что свидетельствует и о сокращении

стратификационной вариативности в их русском языке. Показательна в этой связи рефлексия других представителей второго поколения о внутренних (4) и внешних (5) факторах переключения межъязыкового кода:

(4) Потом мне очень трудно / трудно переключить / **zum Beispiel / wenn ich mit Ihnen spreche / dann verwende ich das Wort "Word" / dann habe ich Schwierigkeiten** / [‘например, когда я с Вами говорю, я использую слово “Word”, потом у меня возникают трудности’]

(5) И я часто сталкивалась с тем / что мне говорили **Sie sollen auch Deutsch sprechen und so weiter** [‘Вы должны говорить и по-немецки и так далее’]

При этом, как было показано выше, русский коммуникативный код диаспоры подвергается воздействию не только немецкого стандартного языка, но и немецкой разговорной речи. Особенно второе поколение активно использует, в частности, немецкие дискурсивные маркеры (1–3) и сокращения (усечения) (4–6):

(1) Ну вроде уже детский сад не закрывали там ничего / особо не.. **doch** / [‘наоборот, как раз, именно’]

(2) Потом родители читают детям / потом /... да **genau** [‘именно’]

(3) **Also** [‘так, таким образом’] родители по-русски говорили

(4) Это зависит от того / что твой **Prof** [усечение от нем. *Professor* ‘профессор’] тебе говорит

(5) Я не любила **Mathe** [усечение от нем. *Mathematik* ‘математика’]

(6) Пили **O-Saft** [усечение от *Orangensaft* ‘апельсиновый сок’]

Таким образом, в языке диаспоры внутриязыковое переключение регистров заменяется межъязыковым; русский и немецкий языки используются как функционально дистрибуированные регистры коммуникации, что, в свою очередь, указывает на сложение новой системы страт. Поливалентность немецкого языка в условиях его социальной и функциональной гегемонии и функциональная ограниченность русского делают последний особенно проницаемым для трансфера. Язык диаспоры становится одной из периферийных страт в двуязычной стратификационной системе.

Использование билингвами двух языковых систем как одного коммуникативного репертуара приводит к формированию новой полилингвальной системы, в которой монолингвальная вариативность базового языка постепенно сокращается и замещается полилингвальной как на уровне переключения функциональных регистров, так и на уровне использования отдельных элементов.

5. Заключение

В статье на материале социолингвистических и лингвистических данных рассмотрены результаты контакта стратификационных систем двух полифункциональных языков, русского и немецкого, в ситуации неравноправного двуязычия (русский язык как язык диаспоры / немецкий язык как язык официального общения).

Гипотеза о трансфере исконной системы страт языка метрополии и её консервации²⁰ не нашла подтверждения в проанализированном корпусе. Уже первое поколение диаспоры демонстрирует постепенную утрату стандартного русского языка и предпочтение немецких эквивалентов в нарративах, описывающих официальные сферы жизни билингва, в которых используется исключительно доминантный язык (немецкий). Зафиксированный сценарий – сужение исходного набора страт базового русского языка и трансфер страт из немецкого языка, т.е. возникновение новой (смешанной) системы страт – объясняется, прежде всего, изменением социолингвистических характеристик русского языка в контексте миграции. Индикатором новой полилингвальной вариативности, в том числе и стратификационной, является переключение межъязыкового кода вместо внутриязыкового.

По отношению к языку метрополии система страт языка диаспоры может рассматриваться как особый модифицированный вариант, в котором русский коммуникативный код занимает место разговорного регистра (или одного из разговорных регистров) в новой двуязычной системе. Будучи крайне динамическим явлением, напрямую связанным с языковой компетенцией билингвов, русский разговорный регистр может быть полностью замещён прагматически эквивалентным немецким регистром в последующих поколениях, но может быть использован и как базовый ресурс для овладения стандартным русским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Warditz V. Structural Variations in Heritage Russian Speakers in Germany: Language Usage or Language Change? // Franks, S., Timberlake, A., Wietecha, A.*

²⁰ Подобный сценарий может быть отчасти прослежен в судьбе языка первой волны русской эмиграции [3]. Консервации языка в данном случае способствовали относительная изоляция и осознанно герметичный характер диаспоры, а также сознательные усилия, направленные на сохранение русского языка в последующих поколениях. Характерны в этой связи и попытки первой волны сохранить старую орфографию, и её активное сопротивление лексическим советизмам [14].

- (eds.) Selected Proceedings of Slavic Linguistic Society (SLS) 14, in Honor of Peter Kosta. Berlin et al.: Peter Lang, 2021, pp. 305–322.
2. *Протасова Е.Ю.* Особенности русского (первого) языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. № 3-4. С. 202–206.
 3. *Земская Е.А.* Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Земская Е.А. (ред.): Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.–Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 25–277.
 4. *Гловинская М.Я.* Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Земская Е.А. (ред.): Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.–Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 341–492.
 5. *Жданова В., Трубчанинов Д.* Некоторые особенности речевого поведения русскоязычной диаспоры в Германии // Böttger K. et al. (Hrsg.) Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 4. München: Otto Sagner, 2001. С. 274–285.
 6. *Жданова В.* Язык русской диаспоры: к проблеме типологии морфологических и синтаксических характеристик // Апресян Ю.Д. и др. (ред.) Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 682–695.
 7. *Голубева-Монаткина Н.И.* Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века: Тексты и комментарии (3-е изд.). М.: URSS, 2017.
 8. *Голубева-Монаткина Н.И.* Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии (2-е изд.). М.: Ленанд, 2019.
 9. *Warditz V.* Slavische Migrationssprachen in Deutschland: Zur Erklärungskraft von Sprachwandelfaktoren in Kontaktsituationen // Ptashnyk S. et al. (eds.) Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration. Heidelberg: Winterverlag, 2016, pp. 99–118.
 10. *Meir N., Polinsky M.* Restructuring in heritage grammars: Adjective-noun and numeral-noun expressions in Israeli Russian // Linguistic Approaches to Bilingualism. 11(2), 2019, pp. 222–258.
 11. *Wiese H.* Language Situations: A method for capturing variation within speakers' repertoires // Asahi Yoshiyuki (ed.) Methods in Dialectology XVI. Berlin et al.: Peter Lang, 2020, pp. 105–117.
 12. *Stehl Th.* Sprachen und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen Kommunikative Aspekte der Migrationslinguistik // Stehl Th. (ed.) Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik. (= Mobilisierte Kulturen 2), Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2011, pp. 39–56.
 13. *Полян П.* Эмиграция: кто и когда в XX веке покинул Россию // Полян П., Глезер О. (ред.) Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.
 14. *Бобрик М.А.* Приложение. Очерк языка семьи // Земская Е.А. (ред.) Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. М.–Вена: Языки славянской культуры, 2001. С. 278–338.
 15. *Голубева-Монаткина Н.И.* О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи дальнего зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 88–96.
 16. *Isurin L.* Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. New York: De Gruyter Mouton, 2011.
 17. Statistisches Bundesamt (Destatis) 2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html [Обращение 19 июня 2023 г.]
 18. *Panagiotidis J.* Postsowjetische Migration in Deutschland: eine Einführung. Weinheim: Beltz Juventa, 2021.
 19. *Spolsky B., Shohamy E.* The Languages of Israel. Policy, Ideology and Practice (= Bilingual Education and Bilingualism 17). Clevedon et al.: Multilingual Matters LTD, 1999.
 20. *Achterberg J.* Zur Vitalität slavischer Idiome in Deutschland. Eine empirische Studie zum Sprachverhalten slavophoner Immigranten. München: Otto Sagner, 2005.
 21. *Montrul S., Polinsky M.* (eds.) Introduction: Heritage Languages, Heritage Speakers, Heritage Linguistics // Montrul S., Polinsky M. (eds.) The Cambridge handbook of heritage languages and linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, pp. 1–10.
 22. *Карцевский С.И.* Язык, война, революция. Берлин: Русское университетское издательство, 1923.
 23. *Fishman J.* 300-plus years of heritage language education in the United States // Kreeft Peyton J. (ed.) Heritage Languages in America: Preserving a National Resource. Washington: DC: Center for Applied Linguistics – Delta Systems, 2001, pp. 81–89.
 24. *Никитина С.Е.* Языковое самосознание молокан и старообрядцев США: судьбы русского языка // Русистика сегодня. 1998. № 1-2. С. 62–71.
 25. *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф., Никитина С.Е.* Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты // Крысин Л.П. (ред.) Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: URSS, 2000. С. 134–152.
 26. *Грановская Л.М.* Русский язык в “рассеянии”. Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995.
 27. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001.

28. *Gельгардт Р.Р.* О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 95–101.
29. *Крысин Л.П.* Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Крысин Л.П. (ред.) Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–77.
30. *Bechert J., Wildgen W.* Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.
31. *Pütz M.* Sprachökologie und Sprachwechsel: die deutsch-australische Sprechgemeinschaft in Canberra. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1994.
32. *Földes C.* Zur Begrifflichkeit von “Sprachenkontakt” und “Sprachenmischung” // Lasatowics M.K., Joachimsthaler J. (eds.) Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1999, pp. 33–54.
33. *Земская Е.А.* Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 14–30.
34. *Караулов Ю.Н.* О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–16.
35. Языки мира. Славянские языки. Москва: Academia, 2005.
36. *Polinsky M.S.* American Russian: A new Pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998, № 4, pp. 78–138.
37. *Dubisz S.* (red.) Język polski poza granicami kraju. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1997.
38. *Dubisz S.* Język polski poza granicami kraju – próba charakterystyki kontrastowej // Dubisz S. (red.) Język polski poza granicami kraju. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1997, pp. 324–376.
39. *Walczak B.* Język polski na Zachodzie // Bartmiński J. (red.) Współczesny język polski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001, pp. 563–574.
40. *Gajda S.* (red.) Język polski. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2001.
41. *Dubisz S.* Język polski poza granicami kraju // Gajda S. (red.) Język polski. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2001, pp. 492–514.
42. *Cruz-Ferreira M.* (ed.) Multilingual Norms. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2010.
43. *Li W.* Translanguaging as a Practical Theory of Language // Applied Linguistics. 2018, No. 39 (1), pp. 9–30.
44. *Keller M.L.* Code-Switching: unifying contemporary and historical perspectives. Berlin: Springer, 2020.
45. *Myers-Scotton C.* Code-switching // Coulmas, F. (ed.) The handbook of sociolinguistics. Oxford: Blackwell, 2017, pp. 217–237.
46. *Bullock B.E., Toribio A.J.* (eds.) The Cambridge handbook of linguistic code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
47. *García O., Li W.* Translanguaging, Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave MacMillan, 2014.
48. *Warditz V.* Zum Status syntaktischer Variationen in Sprachkontaktsituationen: Eine Fallstudie zum Polnischen in Deutschland // Zeitschrift für Slawistik. 2014, No. 59 (1), pp. 1–20.
49. *Franceschini R.* Varianz innerhalb zweier Sprachsysteme: eine Handlungswahl? // Henn-Memmesheimer B. (Hrsg.) Sprachvarianz als Ergebnis von Handlungswahl. Tübingen: Niemeyer, 1998, pp. 11–26.
50. *Крысин Л.П.* Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде // Крысин Л.П. (ред.) Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: URSS, 2000. С. 3–12.
51. *Elabbas B., Montrul S., Polinsky M.* Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics // Theoretical Linguistics. 2013, No. 3-4 (39), pp. 129–181.
52. *Жданова В.* К вопросу о лингвистическом статусе языка диаспоры // Жданова, В. (ред.) Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии (= Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. Band 38). München: Otto Sagner, 2009. С. 89–101.

REFERENCES

1. Warditz, V. Structural Variations in Heritage Russian Speakers in Germany: Language Usage or Language Change? Franks, S., Timberlake, A., Wietecka, A. (eds.) Selected Proceedings of Slavic Linguistic Society (SLS) 14, in Honor of Peter Kosta. Berlin et al., Peter Lang Publ., 2021, pp. 305–322.
2. Protasova, E.Yu. *Osobennosti russkogo (pervogo) yazyka u zhivushchikh v Finlyandii* [Specifics of Russian as a First Language in Russian Speakers in Finland]. *Rusistika segodnya* [Russistics today]. 1998, No. 3-4, pp. 202–206. (In Russ.)
3. Zemskaya, E.A. *Obshchiye yazykovyye protsessy i individualnyye rechevyye portrety* [General Language Processes and Characteristics of Individual Speakers]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk russkogo zarubezhya: Obshchiye protsessy i rechevyye portrety* [Language of Russia Abroad: General Language Processes and Characteristics of Speakers]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001, pp. 25–277. (In Russ.)
4. Glovinskaya, M.Ya. *Obshchiye i spetsificheskiye protsessy v yazyke metropolii i emigratsii* [General and Specific Processes in Baseline and Heritage Language]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk russkogo zarubezhya: Obshchiye protsessy i rechevyye portrety*. [Language of Russia Abroad: General Language Processes

- and Characteristics of Speakers]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001, pp. 341–492. (In Russ.)
5. Zhdanova, V., Trubchaninov, D. *Nekotoryye osobennosti rechevogo povedeniya russkoyazychnoy diasporы v Germanii* [Specifics of Oral Behavior in Russian Heritage Speakers in Germany]. Böttger, K. et al. (Hrsg.) Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 4. München, Otto Sagner, 2001, pp. 274–285. (In Russ.)
 6. Zhdanova, V. *Yazyk russkoy diasporы: k probleme tipologii morfologicheskikh i sintaksicheskikh kharakteristik* [Language of the Russian Diaspora: on the Problem of the Typology of its Morphological and Syntactical Characteristics]. Apresyan, Yu.D. et al. (eds.) *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchiye syuzhety. Sbornik statey v chest 80-letiya Igorya Aleksandrovicha Melchuka* [Meaning, Texts and other Exciting Things. A Festschrift to Commemorate the 80th Anniversary of Professor Igor A. Melčuk]. Moscow Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2012, pp. 682–695. (In Russ.)
 7. Golubeva-Monatkina, N.I. *Russkaya emigrantskaya rech v Kanade kontsa XX veka: Teksty i kommentarii (3-e izd.)* [Russian Émigré Speech in Canada at the End of the 20th Century. Texts and Comments. The 3^d Ed.], Moscow, URSS Publ., 2017. (In Russ.)
 8. Golubeva-Monatkina, N.I. *Russkaya emigrantskaya rech vo Frantsii kontsa XX veka. Teksty i kommentarii (2-e izd.)* [Russian Émigré Speech in France at the End of the 20th Century. Texts and Comments. The 2nd Ed.]. Moscow, Lenand Publ., 2019. (In Russ.)
 9. Warditz, V. *Slavische Migrationssprachen in Deutschland: Zur Erklärungskraft von Sprachwandelfaktoren in Kontaktsituationen*. Ptashnyk, S. et al. (eds.) *Gegenwärtige Sprachkontakte im Kontext der Migration*. Heidelberg, Winterverlag Publ., 2016, pp. 99–118. (In German)
 10. Meir, N., Polinsky, M. *Restructuring in heritage grammars: Adjective-noun and numeral-noun expressions in Israeli Russian*. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2019, No. 11 (2), pp. 222–258.
 11. Wiese, H. *Language Situations: A method for capturing variation within speakers' repertoires*. Asahi, Yoshiyuki (ed.) *Methods in Dialectology XVI*. Berlin et al., Peter Lang Publ., 2020, pp. 105–117.
 12. Stehl, Th. *Sprachen und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen Kommunikative Aspekte der Migrationslinguistik*. Stehl, Th. (ed.) *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. (= Mobilisierte Kulturen 2). Potsdam, Universitätsverlag Potsdam Publ., 2011, pp. 39–56. (In German)
 13. Polyan, P. *Emigratsiya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu* [Emigration: Who in the 20th Century Left Russia and When]. Polyan, P., Glezer, O. (eds.) *Rossiya i eye regiony v XX veke: territoriya – rasseleniye – migratsii* [Russia and Its Regions in the 20th Century: Territory – Distribution – Migrations]. Moscow, OGI Publ., 2005, pp. 493–519. (In Russ.)
 14. Bobrik, M.A. *Prilozheniye. Ocherk yazyka semji* [Annex. Sketch of a Family Language]. Zemskaya, E.A. (ed.) *Yazyk russkogo zarubezhya: Obshchiye protsessy i rechevye portrety* [Language of Russia Abroad: General Language Processes and Characteristics of Speakers]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001, pp. 278–338. (In Russ.)
 15. Golubeva-Monatkina, N.I. *O staroemigrantskoy rechi (k tipologii sovremennoy russkoy rechi dalnego zarubezhya)* [About the Oral Communication of the Old Emigration (Towards a Typology of Oral Speech in Russia Abroad)]. *Rusistika segodnya* [Russistics today]. 1998, No. 1-2, pp. 88–96. (In Russ.)
 16. Isurin, L. *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*. New York, De Gruyter Mouton Publ., 2011.
 17. Statistisches Bundesamt (Destatis) 2023. URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt.html [accessed on 19 June 2023].
 18. Panagiotidis, J. *Postsowjetische Migration in Deutschland: eine Einführung*. Weinheim, Beltz Juventa Publ., 2021. (In German)
 19. Spolsky, B., Shohamy, E. *The Languages of Israel. Policy, Ideology and Practice (= Bilingual Education and Bilingualism 17)*. Clevedon et al., Multilingual Matters LTD Publ., 1999.
 20. Achterberg, J. *Zur Vitalität slavischer Idiome in Deutschland. Eine empirische Studie zum Sprachverhalten slavophoner Immigranten*. München, Otto Sagner Publ., 2005. (In German)
 21. Montrul, S., Polinsky, M. (eds.) *Introduction: Heritage Languages, Heritage Speakers, Heritage Linguistics*. Montrul, S., Polinsky, M. (eds.) *The Cambridge handbook of heritage languages and linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2021, pp. 1–10.
 22. Kartsevskiy, S.I. *Yazyk, voyna, revolyutsiya*. [Language, War, Revolution]. Berlin, Russkoye universitetskoye izdatelstvo Publ., 1923. (In Russ.)
 23. Fishman, J. *300-plus years of heritage language education in the United States*. Kreeft Peyton J. (ed.) *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource*. Washington, DC, Center for Applied Linguistics – Delta Systems Publ., 2001, pp. 81–89.
 24. Nikitina, S.E. *Yazykovoye samosoznaniye molokan i staroobryadtsev SShA: sudby russkogo yazyka* [Language Identity of Molokans and Dukhobors in the USA: The Fate of Russian Language]. *Rusistika segodnya* [Russistics today]. 1998, No. 1-2, pp. 62–71. (In Russ.)
 25. Kasatkin, L.L., Kasatkina, R.F., Nikitina, S.E. *Russkiy yazyk oregonskikh staroobryadtsev: yazykovyye*

- portrety* [The Russian Language of Old-Believers in Oregon: Linguistic Portraits]. Krysin, L.P. (ed.): *Rechevoye obshcheniye v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Oral Communication in Situations of Language Heterogeneity]. Moscow, URSS Publ., 2000, pp. 134–152. (In Russ.)
26. Granovskaya, L.M. *Russkiy yazyk v "rasseyanii"*. *Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny*. [Russian Language in Diaspora: Sketches about the Language of the Russian Emigration of the First Wave]. Moscow, IRYaZ Publ., 1995. (In Russ.)
27. Belikov, V.I., Krysin, L.P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, RGGU Publ., 2001. (In Russ.)
28. Gelgardt, R.R. *O literaturnom yazyke v geograficheskoy proyektzii* [About Standard Language in a Geographical Projection]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1959, No. 3, pp. 95–101. (In Russ.)
29. Krysin, L.P. *Formy sushchestvovaniya (podsystemy) russkogo natsionalnogo yazyka* [Varieties (Subsystems) of the Russian National Language]. Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya* [Contemporary Russian: Social and Functional Differentiation]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2003, pp. 33–77. (In Russ.)
30. Bechert, J., Wildgen, W. Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ., 1991. (In German)
31. Pütz, M. Sprachökologie und Sprachwechsel: die deutsch-australische Sprechgemeinschaft in Canberra. Frankfurt a.M.: Peter Lang Publ., 1994. (In German)
32. Földes, C. Zur Begrifflichkeit von "Sprachenkontakt" und "Sprachenmischung". Lasatowics, M.K., Joachimsthaler, J. (eds.) *Assimilation – Abgrenzung – Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur*. Frankfurt a.M.: Peter Lang Publ., 1999, pp. 33–54. (In German)
33. Zemskaya, E.A. *Umirayet li yazyk russkogo zarubezhya?* [Is Russian Language Abroad Dying?]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2001, No. 1, pp. 14–30. (In Russ.)
34. Karaulov, Yu.N. *O russkom yazyke zarubezhya* [About the Russian Language of Russia Abroad]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 1992, No. 6, pp. 5–16. (In Russ.)
35. *Yazyki mira. Slavyanskiye yazyki* [Languages of the World. Slavic Languages]. Moscow, Academia Publ., 2005. (In Russ.)
36. Polinsky, M. S. American Russian: A new Pidgin. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. 1998, No. 4, pp. 78–138.
37. Dubisz, S. (red.) *Język polski poza granicami kraju* [Polish Language Outside the Country]. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego Publ., 1997. (In Polish)
38. Dubisz, S. *Język polski poza granicami kraju – próba charakterystyki kontrastowej* [Polish Language Outside the Country – A Test of Contrast Characteristics]. Dubisz, S. (red.) *Język polski poza granicami kraju* [Polish Language Outside the Country]. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego Publ., 1997, pp. 324–376. (In Polish)
39. Walczak, B. *Język polski na Zachodzie* [Polish Language in the West]. Bartmiński, J. (ed.) *Współczesny język polski* [Contemporary Polish]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2001, pp. 563–574. (In Polish)
40. Gajda, S. (ed.) *Język polski* [Polish Language]. Opole, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej Publ., 2001. (In Polish)
41. Dubisz, S. *Język polski poza granicami kraju* [Polish Language Outside the Country]. Gajda, S. (ed.): *Język polski* [Polish Language]. Opole, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej Publ., 2001, pp. 492–514. (In Polish)
42. Cruz-Ferreira, M. (ed.) *Multilingual Norms*. Frankfurt a.M.: Peter Lang Publ., 2010.
43. Li, W. Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*. 2018, No. 39 (1), pp. 9–30.
44. Keller, M.L. *Code-Switching: unifying contemporary and historical perspectives*. Berlin, Springer Publ., 2020.
45. Myers-Scotton, C. *Code-switching*. Coulmas, F. (ed.) *The handbook of sociolinguistics*. Oxford, Blackwell Publ., 2017, pp. 217–237.
46. Bullock, B.E., Toribio, A.J. (eds.) *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009.
47. García, O., Li, W. *Translanguaging, Language, Bilingualism and Education*. New York, Palgrave MacMillan Publ., 2014.
48. Warditz, V. *Zum Status syntaktischer Variationen in Sprachkontaktsituationen: Eine Fallstudie zum Polnischen in Deutschland* *Zeitschrift für Slawistik*. 2014, No. 59 (1), pp. 1–20. (In German)
49. Franceschini, R. *Varianz innerhalb zweier Sprachsysteme: eine Handlungswahl?* Henn-Memmesheimer, B. (Hrsg.) *Sprachvarianz als Ergebnis von Handlungswahl*. Tübingen, Niemeyer Publ., 1998, pp. 11–26. (In German)
50. Krysin L.P. *Rechevoye obshcheniye v lingvisticheski sotsialno neodnorodnoy srede* [Oral Communication in a Linguistically and Socially Heterogenic Environment]. Krysin, L.P. (ed.) *Rechevoye obshcheniye v usloviyakh yazykovoy neodnorodnosti* [Oral Communication in Situations of Language Heterogeneity]. Moscow, URSS Publ., 2000, pp. 3–12. (In Russ.)

51. Elabbas, B., Montrul, S., Polinsky, M. Heritage Languages and Their Speakers: Opportunities and Challenges for Linguistics. *Theoretical Linguistics*. 2013, No. 3-4 (39), pp. 129–181.
52. Zhdanova, V. *K voprosu o lingvisticheskom statusе yazyka diaspory* [On the Linguistic Status of the Heritage Language]. Zhdanova, V. (red.): *Russkiy yazyk v usloviyakh kulturnoy i yazykovoy polifonii* (= *Die Welt der Slaven. Sammelbände / Sborniki. Band 38*) [Russian Language in Situations of Cultural and Linguistic Polyphony]. München, Otto Sagner Publ., 2009. pp. 89–101. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 1 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on July 1, 2023

Revised on July 10, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023